

Россия и Европа в XV — начале XVI веков.

Точки соприкосновения и заимствования

Черникова Т. В.

В данной статье дан краткий анализ причин возникновения и содержания доктрины «Москва — Третий Рим», как составной идеологической и политической части процесса европеизации России в конце XV — середине XVI вв. Дана предыстория и практика внутреннего политического и внешнеполитического применения московских представлений о «византийском и римском наследии» России, осмысления в рамках данных религиозно-политических категорий исторических перспектив и роли единого Московского государства в Европе и мире в целом.

Призрак Римского величия в средневековой Европе

Большое переселение народов разрушило древнюю Римскую империю: западная ее часть пала под ударами германцев, а восточная под напором славян и кочевников преобразовалась в новое государство. Оно отличалось от Древнего Рима в социокультурном и геополитическом плане, и весьма символично, что его обитатели, преимущественно греки, и называли свою «римскую страну» по-гречески — Ромейской империей, а историки, чтобы не путать ее с прежней Римской империей, придумали и вовсе иное название — «Византийская империя». Однако величие Древнего Рима, не кануло в лету. Напротив, желание «восстановить» Римскую империю вдохновляло в средневековье и византийский Восток, и европейский Запад. Причем и Константинополь, и Римская империя, провозглашенная Карлом Великим и папой Римским на месте разросшегося королевства франков, в равной степени были убеждены, что они и есть подлинное воплощение *нового* — «Второго Рима». Основной смысловой осью этих воззрений была мысль, которая родилась еще в древнем Риме. Военное могущество Первого Рима, обширные его границы, включившие в себя почти все известные тогдашнему европейскому миру страны и народы, высокая культура и успехи романизации привели жителей Римской империи к мысли о совершенстве

и незыблемости римского порядка (Рим — Вечный город, *urbs aeterna*). Христианство, религия вселенская по своей природе, легко восприняло от языческого Рима идею вечной вселенской империи, отсвета Царства Божьего на земле. Языческий «*orbis terrarum*» превратился в «*tota christianitas*». Раздел франкской империи при внуках Карла Великого не разрушил мечту о Втором Риме на Западе. В XIII–XVII вв. ее вполне олицетворяла Священная Римская империя германской нации, объединявшая, кстати, хотя и весьма в аморфной форме, не только немецкие, но и другие европейские христианские, в частности — западнославянские, страны. Носителями высшей светской и духовной власти в этом западном христианском мире признавали римского (германского) императора и папу. Их конкурентами на православном Востоке оказались византийский император и константинопольский (вселенский) патриарх (симфония «царства» и «священства»).

Одновременное существование двух «Вторых Римов» в идейном плане несло отрицание друг друга, ибо и та, и другая империя полагали только себя истинным наследником «Первого Рима». Византийские императоры видели в Карле Великом, в Оттонах и Гогенштауфенах узурпаторов и воспитывали в подобном взгляде жителей всей православной ойкумены. Постепенное, но неуклонное угасание Византии убедило западный христианский мир в истинности

Черникова Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры Всемирной и отечественной истории.

их «Второго Рима», а на православном Востоке поставило вопрос о преемнике Константинополя.

Болгарские монархи, когда им удавалось отвоевать у Византии какой-либо фрагмент ее территории на Балканах, спешили объявить себя «царями болгар и ромеев». Болгарский царь Иоанн-Александр (XIV в.), связанный родственными узами с византийскими императорами, открыто называл себя наследником Рима, а в болгарской литературе присутствовала идея, что новый Константинополь — это болгарская столица Тырново. Не отстали от болгар и их соседи сербы. Сербский царь Стефан, кровный родич багрянородных византийцев так же, как и его современник Иоанн-Александр, заявил о своей претензии считаться наследником Рима. Так родилась идея «Третьего Рима».

Интересно, что позже эта идея использовалась не только на православном Востоке, но и на Западе Европы. Во времена борьбы за объединение Италии Джузеппе Мадзини позиционировал будущую объединенную республиканскую Италию, как «Третий Рим». В подобном смысле эксплуатировал понятие «Третий Рим» Муссолини.

Поразительно, но даже турки, сокрушившие Византию, не остались равнодушны к мистическому величию Рима, конечно в его ромейском воплощении. Османская монархия, стоящая в XV–XX вв. во главе крупнейшей мусульманской державы, никогда всерьез не пыталась вывести свое происхождение от пророка Мухаммеда, зато султан-завоеватель Константинополя Мехмед II, «стремясь поразить своих подданных, как турок, так и греков, поддерживал версию о том, что его семья происходит от принца императорского дома Комнинов, который эмигрировал в Конью, принял там ислам и женился на сельджукской княжне»¹.

Не осталось чуждо к «римскому наследству» и Литовско-Русское государство. Объяснялось это двумя обстоятельствами: во-первых, ввиду длительного общественно-экономического и правового первенства русских земель стоял вопрос идеологического обоснования политического лидерства Литвы; во-вторых, требовалось поднять идеологический престиж литовской династии Гедиминовичей-Ягеллонов, представители которой утвердились не только в Литве и Польше, но и занимали временами чешский и венгерский престолы. Генеалогические легенды о «высоком» происхождении литовского народа и правящей династии Гедиминовичей отлично справлялись с данной проблемой. Первым заявил о римском происхождении литовцев польский историк Ян Длугош (1515–1480). «Он записал «слух», что литовцы и самогиты — народы латинского происхождения. Они якобы бежали с Аппенинского полуострова во времена гражданских войн сперва Мария и Суллы (89–87 годы до н.э.), затем Юлия Цезаря и Помпея (49–48 годы до н.э.). Причиной эмиграции послужила уверенность в том, «что вся Италия погибнет во вза-

имном истреблении». К тому же, по утверждению Длугоша, беглецы были сторонниками Помпея. После его поражения на полях Ферсала и смерти в Египте они сочли за благо скрыться. Датой исхода польский историк называл 39 год до н.э. Руководил переселенцами князь Вилий. По его имени была названа столица — Вильно. Новую родину стали именовать «L'Italia», «Литалия». Позже это слово трансформировалось в «Литву»» Эта же версия повторяется в трактате Мацея Меховского «О двух Сарматиях» (1517), а вот Михаил Литвин в своем сочинении «О нравах татар, литовцев и москвитян» (1550) утверждал, что литовцы потомки людей Юлия Цезаря, посланных в Британию, но потерпевших кораблекрушение в Прибалтике².

«Римским происхождением» литовского народа объясняли, почему литовцы, почти столетие жившие в одном государстве с православными русскими, не обратились в православие, а после Крестовых войн 1385 г. легко и быстро приняли католицизм — «истинную римскую веру». Убеждение в «римских корнях» литовского народа толкнуло М. Тышкевича в середине XVI в. предложить учить в литовских школах «подлинный литовский язык — латынь» (меморандум королю Сигизмунду о государственном языке), а Иоанн Вилимовский и Абрам Кульветис открыли такие школы в 1539 г.

Легенды о происхождении литовских князей разнообразны. Причем, наиболее древние и отражающие реальную подоплеку имеют связь с варяжским и восточнославянским моментом³. «Римский» же след возникает позже: он содержится в восьми летописях (Археологического общества, Красинского, Рачинского, Ольшевской, Румянцевской, Евреиновской, Хронике Быховца, Хронике Литовской и Жмойтской), а так же в трудах историка XVI в. Мацея Стрыйского⁴. Миндовг, Довмонт, Тройден, Витень и сын его Гедимин оказываются потомками римского аристократа Палемона, бежавшего с пятью сотнями сподвижников (по другим версиям с 500 родами) от тирании своего брата императора Нерона.

Легенда о «шапке Мономах» и самоиндификация Московской Руси

Неудивительно, что вернувшись в европейское геополитическое пространство во второй половине XV в., единое Московское государство также отдает дань «римским легендам». Причем у российских дипломатов и идеологов эти легенды появляются в качестве аргументов для внешнеполитических претензий и апломба даже раньше литовских «сказок о Литалии».

Киевская Русь IX–XI вв. в конфессиональном и культурном плане относилась к ойкумене Византии, но и для Западной Европы она не была чужой. Международная торговля по пути «Из варяг в греки» и внешнеполитические дела связывали Русь с западноевропейскими странами. «Страна городов» была

необходимой частью Европы, обладала достаточно высокой степенью престижа в христианском мире Запада и Востока, что отразилось в удачных династических браках Рюриковичей — Владимира, Ярослава Мудрого, их детей и внуков с представителями правящих династий многих европейских стран (Норвегии, Швеции, Франции, Польши, Венгрии и, наконец, Германской и Византийской империй). Понимание «Римского величия» вполне разделялось на Руси.

Международная ситуация XII — начала XIII вв., а потом Батыево нашествие кардинально изменили положение раздробленного русского пространства в Европе. Северо-Восток Руси и в значительной мере русский Северо-Запад надолго оказались частью золотоордынского мира. Но Русь вовсе не рассталась с прежним «римским ориентиром», так завожившим Европу.

Показательна здесь судьба одной московской регалии — «шапки Мономаха». Чисто московская, а не общерусская атрибутика «шапки Мономаха» здесь особенно важна. Ведь именно Москва была долгое время ставленницей Орды, которую татары старательно выращивали, как противовес активности Твери и силе Литвы в деле консолидации русских земель. Московский подъем до середины XIV в. в значительной степени был обусловлен ролью «верных улусников хана», которую играли все московские князья вплоть до Дмитрия Донского. Поэтому, казалось бы, величие империи Чингизидов именно в Москве должно было затмить воспоминания о Риме. Однако шапка Мономаха решительно отвергает данную логику.

Хранящаяся ныне в Оружейной палате шапка Мономаха, относится, по мнению специалистов, самое раннее к XIII в. Заметны изменения, внесенные русскими ювелирами в XIV в. — увенчание верха венца крестом. Восточное происхождение шапки неоспоримо. По сути, это выполненная из драгоценных металлов и камней тюбетейка, отороченная ценным мехом. Такой головной убор (естественно без креста), судя по восточным миниатюрам, украшал головы чингизидов. Очень похожие «короны» носили в частности правители Казанского ханства в XV–XVI вв. Можно предположить, что «шапка Чингизида» объявилась в Москве в качестве свадебного подарка хана Узбека князю Юрию Даниловичу Московскому по случаю его женитьбы на ханской родственнице Кончаке (в православии Агафье, 1317). Но вот что замечательно, память о шапке, как отражении этого неоспоримого политического достижения московской дипломатии, совершенно отсутствует. Приказав увенчать шапку христианским крестом, московские князья поспешили «стереть из памяти» ее восточное происхождение. Постепенно вокруг шапки создался миф, связывающий этот необычный предмет со смутными воспоминаниями о неких регалиях императора Константина Мономаха, якобы присланных византийцами на Русь по случаю

занятия в 1113 г. великокняжеского киевского стола его внуком Владимиром Мономахом.

Миф был важнейшей универсальной формой мировоззрения человечества в архаическом и средневековом мире, а в России и на азиатском пространстве миф в таком его понимании сохраняет свои идеологические позиции даже в эпоху модерна и постмодерна. В мифе в символах и образах запечатлена картина мира, исторический эпос, сакрализация общественного порядка и власти, дана система ценностей и координат. Поэтому для историка совсем не безразлично, что ползающие у подножья золотоордынского престола сыновья и внуки Ивана Калиты, пестуют в душе совсем иной ориентир. Крайнее политическое унижение православных князей от ханов-язычников, а позже ханов-мусульман, осознаваемое на уровне общественно-политического подсознания русского православного народа, заставляет русскую власть и церковь искать и создавать виртуальный идеологический противовес, осененный святостью религиозного дела и авторитетом старины (периода Киевской Руси — «золотого древнерусского века»).

В своем законченном «священном виде» миф о шапке Мономаха присутствует в летописи, составленной в XVI в. при Иване Грозном. Там Владимир Мономах и его дед император Константин Мономах, умерший за 50 с лишнем лет до описываемых в легенде событий, действуют одновременно. Владимир посылает свои войска на Царьград, вдохновляясь примером предка — легендарного Вещего Олега. Чтобы прекратить войну император посылает к внуку посла-митрополита с дарами: царским венцом («мономаховой шапкой»), золотой цепью и сердоликовой чашей, которая принадлежала еще самому римскому императору Августу. Митрополит от имени императора Константина просит прекратить войну во имя пребывания вселенского православия в мире «под общей властью нашего царства и твоего великого самодержавства Великие Руси»⁵. Владимир соглашается на мир, его венчают царским «мономаховым венцом». Так, по мнению московских книжников XVI в., еще во времена Древней Руси великие князья из династии Рюриковичей, к тому же родичи римско-византийских цезарей, стали ровней императорам Ромейской империи, разделив с ними вселенскую ответственность за поддержание мирового православия. «Мономахов венец» словно печать закрепил данный русско-византийский договор о власти в православном мире, и этот договор символически возобновляется при вступлении на престол каждого нового русского монарха. Неслучайно русский летописец XVI в. констатирует: «Оттоле тем царским венцом венчаются все великие князья владимирские»⁶.

Именно в этом идеологическом качестве легенда о шапке переключалась из древнерусских легенд в московский официальный политический миф XIV–XV вв., а потом и в летописании суверенного Московского государства XVI–XVII вв., став центральной идео-

логической аксиомой, а в менталитете россиян — бесспорным фактом их истории. Уже великий князь Московский Василий II Темный (1425–1462) в одном своем послании к византийскому императору называет себя «сватом святого царства его»⁷. Шапка Мономаха превратилась и в сакральный символ государственной идентичности русских, подчеркивающий родство и прямую преемственность власти их правящей династии от власти византийских императоров.

Именно так трактует миф о шапке Мономаха Иван III в 1498. Он венчает «на царство золотым венцом» (очевидно аналогом шапки Мономаха) внука Дмитрия (род. 1483), отпрыска умершего Ивана Молодого (1458–1490), соправителя и старшего сына Ивана III от его первого брака с тверской княжной Марией Борисовной. В ходе этого торжества митрополит обращался к Ивану III, называя его «царем»⁸, т.е. императорским титулом в употреблении его русскими с X в. Венчание Дмитрия-Внука, как наследника, отстраняло от престола Гавриила-Василия (род. 25 марта 1479 г.), второго сына Ивана III от его брака с Софьей Палеолог⁹. Естественно Софья считала своего сына, внучатного племянника последнего византийского императора Константина XI, куда более достойным наследником. Неслучайно мальчик, получивший при рождении имя Гавриила, был позже переименован в Василия («Царственного»). Софья полагала, что своим московским замужеством именно она делает московских государей преемниками византийских императоров. Поэтому она позиционировала себя всегда не столько великой княгиней, сколько «цареградской царевной». «В Троицком Сергиевом монастыре хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышла на ней и свое имя. Пелена эта вышита в 1498 г. За 26 лет замужества Софье, кажется, пора уже было забыть про свое девичество и прежнее византийское звание; однако в подписи на пелене она все еще величает себя «царевною цареградской», а не великой княгиней московской»¹⁰.

Такое позиционирование Софьи долгое время поддерживала и московская дипломатия: неслучайно царевне было дано право самостоятельно принимать иностранные посольства. Однако к моменту династического спора о преемнике Иван III стал тяготиться излишним политическим и идеологическим весом Софьи. Среди историков бытует догадка, подкрепленная зафиксированными в источниках слухами, распространившимися среди оппозиционно настроенных к Софье бояр. Говорили, что смерть 32-летнего Ивана Ивановича Молодого, больного «камчугой» (ломотой в ногах), которому лекарь Леон, венецианский еврей, ставил утешительный диагноз и клялся в том своей жизнью, была неестественной. Со своей стороны Иван Молодой всегда недолюбливал порфиноносную мачеху. Венецианец А. Контарине, побывавший в Москве в 1476–1477 гг., заметил, что

восемнадцатилетний старший великокняжеский сын «нехорошо ведет себя с деспиной»¹¹. Бояре полагали, что нити отравления молодого князя вели к Софье¹². В 1497 г. сторонники Софьи и ее сына Василия — дьяк Федор Стромиллов, боярские дети Афанасий Яропкин, Поярков, Гусев, Стравин и кн. Палецкий-Хруль составили даже заговор, целью которого было убийство Дмитрия Внука, а также выезд Василия с захваченной казной из Москвы. Планы заговорщиков были открыты, а сами они казнены (1497). Софью и Василия Иван III взял под стражу и наложил на них опалу.

Средневековые люди мыслили не идеями, а жестами, символами, образами, подкрепленными легендами седой старины. Вот и Иван III, устроив внуку пышное «венчание на великое княжение», подал современникам идеологический и политический знак, направленный на пресечение чрезмерного, с точки зрения московского государя, акцента на «византийское наследство», как «дар», принесенный на Русь Софьей Палеолог. Древняя шапка Мономаха — вот доказательство старинной родственной связи Рюриковичей и византийских императоров. В свете мифа о шапке Мономаха брак московского государя и византийской принцессы должен был рассматриваться, как действие равных и давних партнеров, союз которых не новшество, а дань традиции, корни которой уходят в глубину веков. Поэтому внук Ивана III «не хуже» сына Софьи¹³.

Принято думать, что брак Ивана III и Софьи был нужен России, прежде всего, для поднятия внешнеполитического престижа в Европе. Весьма спорное утверждение! На Западе уже триста лет Византия не имела никакого государственного престижа. Даже в IX в. создатель Римской империи франков — Карл Великий позиционировал свою страну, как Второй, а не Третий Рим, лишая Константинополь статуса «Второго Рима». Личный престиж на Западе имели некоторые византийские императоры, достойно и до конца пытавшиеся использовать все средства для спасения своей родины. После 29 мая 1453 г. «византийский престиж» окончательно пал, что подтверждает жалкая судьба византийских беженцев, включая родственников последнего императора. Лишь часть западных интеллектуалов искренне оплакивала гибель Константинополя, и то только как центра сохранения и развития традиции древней «эллинской» мудрости и искусства.

Брак московского государя с Софьей обуславливался скорее внутренними причинами. Он венчал процесс длительного историософского поиска Северо-Восточной Русью формы СВОЕЙ НОВОЙ «РУССКОЙ ИДЕИ».

На Северо-Востоке вместе с полным утверждением вотчинного уклада население привыкало видеть в московском князе (сильнейшем из местных правителей) — собственника, хозяина, собирающего под себя «примыслы», «прибытки» и «людишек». После падения Новгорода (1478) и Твери (1485) уже никто

в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси не мог ему противиться, но еще жила тень воспоминания о том, что великий князь лишь первый среди своей княжеской братии, и что он был еще совсем недавно ханским улусником, а его бояре и слуги вольные имели право отъезда и с их мнением приходилось считаться. Все это уже плохо вязалось с действительностью. Но главное мало подходило для той геополитической роли, осуществить которую у Москвы были шансы. Поднимающейся Московии нужна была политическая, идеологическая и религиозная доктрина, которая была бы адекватна менталитету русского средневекового человека, с одной стороны, и растущей претензией вотчинного государства на монопольное господство в социокультурной жизни — с другой, объяснила бы потенциал и задачи страны в новой для нее роли полюса силы в огромном восточноевропейском и североазиатском пространстве. Эта доктрина должна была выйти из северо-восточных русских легенд, но она должна была стать общерусской, более того «православно-вселенской».

Формой такой доктрины мог быть по-прежнему только миф, и он уже рождался, оттолкнувшись от сказаний о шапке Мономаха. Второй брак Ивана III стал дополнительным поводом. В этом смысле папа Римский, как посредник брака, сам того не понимая, оказал России немалую услугу. «Современники заметили, что Иоанн III после брака на племяннице императора византийского явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первым получил прозвание Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающего за ослушание, возвысился до царственной недостигаемой высоты, перед которой боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимины должны были благовежно преклониться наравне с последним из подданных; по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе»¹⁴. Современники, мнение которых сохранилось благодаря свидетельствам Берсена Беклемишева и князя Андрея Курбского (первый был опальным сыном Ивана III — Василия III, второй — сподвижником, а потом злейшим врагом Иванова внука — Ивана IV, тоже Грозного) приписали перемены в поведении монарха влиянию Софьи и ее грекам. В беседе с одним из них — ученым монахом Максимом Греком Берсень оплакивал старорусские ценности: «Как пришли сюда греки, так наша земля и замешалась; а до тех пор земля наша Русская жила в тишине и миру. Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня София, с вашими греками, так наша земля и замешалась; и пришли нестроения великие, как и у вас в Царьграде при ваших царях»¹⁵. «Обычай у московских князей издавна желать братий своих крови и губить их, убогих, ради окаянных отчин, ненасытства ради своего»¹⁶, — посетовал тремя десятилетиями позже Андрей Курбский.

В отличие от современников историки не склонны «демонизировать» влияние Софьи и связывать перемены в общественно-политической жизни Руси с ее воздействием на мужа. Уже в XIX в. Соловьев и Ключевский, реконструировав хронологию фактов, вскрыли внутреннюю логику преодоления «родовых начал» и становления московского «служилого государства». Однако для общества XV–XVI вв. оценка, высказанная Беклемишевым и Курбским, ностальгирующими по «старым добрым» временам была вполне убедительной, и требовала от высшей власти антитезы, которая объяснила бы даже самому последнему холопу, сакральность «царской грозы» и вселенскую миссию государя и его государства-вотчины.

Акценты и «забытые» аспекты византийского наследства Софьи Палеолог

Мифу, как особому иррациональному литературно-идеологическому жанру, свойственны были гиперболы, эпохальность и «забывчивость» к «ненужным», частным деталям. Миф допускал смену мест между причинами и следствиями. Поэтому ошибочно толковать миф из рассудочной логики. Рациональное прочтение истории о «византийском наследстве» в свете второго брака Ивана III выглядит примерно так. *Поскольку братья принцессы Софьи отказались от греческой веры, с московской православной точки зрения, лишь православная Софья осталась истинной наследницей византийского трона; через брак с Софьей Иван III и его потомки от Софьи приобретали династические права на Константинополь.* Первоначально такое прочтение было естественным для восточно-христианских народов, попавших в османское иго и ждущих конкретной помощи от нового высшего православного покровителя. Такое прочтение имели в виду и западные христиане в лице папы, Габсбургов, венецианцев, ищущих контактов с Москвой в надежде втянуть ее в непосредственную борьбу с турками. Все они призывали Москву, по сути, взять на себя роль погибшей империи: быть шитом Европы, отражающим натиск мусульманского Востока.

Вот здесь западных (а отчасти и восточных) христиан ждало жестокое разочарование. Для московитов же начиналась сакральная мистика. Московский государь не собирался отвоевывать какие-либо конкретные византийские владения, завоеванные турками, по крайней мере, в ближайшем будущем. (К такой постановке вопроса Россия обратится во времена победоносных русско-турецких войн эпохи Екатерины II, а также, как отмечал в своем исследовании Н.И. Ульянов¹⁷, в общественно-политическом дискурсе царствования Александра II.) При Иване III же, напротив, было выгодно констатировать, что поверженный Константинополь навсегда утратил роль главного духовного и политического центра

православного мира. В ренессансном мире на Западе голоса редких интеллектуалов, оплакивающих конец Византии, тонули в констатации закономерности такого итога для страны, закостеневшей в церковном тщеславии, на деле оказавшемся «уродливой интермедией из религиозных предрассудков»¹⁸. Но и в Москве среди русского духовенства мы можем услышать не менее злорадные ноты. Правда, вызваны они к жизни были совершенно иным ходом мысли. «Константинополь пал, — писал митрополит Московский в 1458 г., — потому что отступил от истинной веры. Но в России эта вера все еще жива — вера Семи Соборов, какой Константинополь передал ее великому князю Владимиру. На земле существует только одна истинная Церковь — Церковь русская»¹⁹. А государь Московский, не отставая от русского духовного пастыря, желал, чтобы все православные поняли, что «православный Рим» переместился с берегов Босфора на Боровицкий холм, и он, Иван III, став законным преемником византийских императоров, занял у себя в Москве место единственного истинного наместника Бога на земле.

Мистическое «византийское наследство», полученное Москвой, не имело ничего общего с земной дипломатией. В Москве хотели, чтобы православные христиане, стонущие под османским игом, утешались мыслью, что в мире есть Великий Православный Государь — оплот их веры. Приходится согласиться с выводом британского византолога Стивена Рансимена, что «во всем православном мире только русские извлекли некоторую пользу из падения Константинополя»²⁰. Конечно, для окончательного фокусирования русского политико-религиозного мифа в краткую формулу: «Два Рима пали, но третий — Москва стоит, а четвертому не бывать!», которую русские люди впоследствии впитывали в себя с молоком матери, необходимо было время. Псковский монах Филофей произнесет эту сакральную фразу в своих посланиях конца 1523 — начала 1524 гг. На время же Ивана III пришлась лишь начальная фаза построения концепции. В частности была проведена мифологизация фигуры Софьи и определены границы ее роли в рамках формирующейся теории.

У русских книжников Софья выступает, прежде всего, как «единственная» из оставшихся в живых Палеологов носительница истинного православия, а, следовательно, и прав на византийскую корону. Между тем в XV в. многие византийские принцессы выходили замуж за европейских монархов. Этот факт не нашел никакого осмысления в русском мифе. Старшая сестра Софьи — Елена, еще до падения Константинополя ребенком была выдана замуж за православного властителя Сербии Лазаря III Бранковича. Она родила ему впоследствии трех дочерей, старшая из которых — Мария в 1459 г. стала женой короля Боснии Стефана. Вскоре турки овладели Боснией, и Мария оказалась в гареме одного из турецких полководцев, а ее мать и две сестры (племянницы

Софьи) — Милица и Ирина бежали к христианскому католическому правителю Кафаллонии и Левкасса Леонарду III Токко. Елена так и осталась на Левкасе. Она умерла в 1474 г. монахиней. Ее дочь — Милица стала супругой Леонардо III. Третья дочь Елены — Ирина вышла замуж за Иоанна Кастриота, сына знаменитого своей борьбой с османами албанского правителя-христианина Скандербеге. После смерти Скандербеге (1468) Иоанн и Ирина уехали в Италию. Их потомки (несколько южно-итальянских фамилий, ведущих родословие от Иоанна Кастриота), пожалуй, единственные из доживших до наших дней «наследников» Палеологов по крови²¹. Другие ветви Палеологов пресеклись быстро. В 1536 г. угасла мужская ветвь потомков императора Андроника II, которые правили в Монферрате с начала XIV в. Права и состояние данной ветви перешли через женское потомство к маркизам Мантуанским. Двоюродная сестра Софьи Палеолог (дочь деспота Федора, старшего брата императора Константина XI) — кипрская королева Елена умерла в 1458 г., а ее единственная дочь Шарлота, считавшаяся тоже королевой Кипра, скончалась бездетной в изгнании в Риме в 1487 г.²²

Кстати, нигде кроме России брак с византийскими царственными особами не был так напряженно осмысляем. Впрочем, без особого резонанса на Руси остался брак внучки великого князя Московского и Владимирского Дмитрия Донского (и внучки великого князя Литовского и Русского Витовта) княжны Анны Васильевны, которая в 1414 г. в возрасте 11 лет прибыла в Константинополь к своему жениху Иоанну, соправителю отца — императора Мануила II. Брак был заключен в 1417 г., но в том же году на Византию, как и на Русь, обрушилась чума, и юная царица Анна умерла. «Русские летописи отметили гибель от чумы в 1417 г. массы людей во многих русских городах, но смерть московской княжны — девочки Анны — в далеком Константинополе осталась незамеченной»²³. Хотя, естественно, об этом знали ее отец московский великий князь Василий I и ее мать Софья Витовтовна. Никакого особого идеологического звучания не приобрел и брак племянницы Софьи Палеолог, дочери ее брата Андрея Палеолога — Марии с правнуком Дмитрия Донского удельным князем Василием Верейским.

Русские книжники предпочли оставить без внимания все эти факты, как и некоторые эпизоды личной биографии Софьи Палеолог. Была «забыта» история ее вероисповедания и некоторые другие моменты итальянского периода жизни дочери морейского деспота. Фома, как и его брат — император Константин XI, был униатом. Будучи одним из деспотов Морей (Южной Греции), он постоянно ссорился с другим деспотом Дмитрием, своим братом, наемниками, присланными на помощь христианам папой Римским, и собственными подданными. В итоге порядок в Морее, признавшей вассалитет султана, приходилось наводить турецким военачальникам.

Наконец, это надоело султану Мехмеду II, и он уничтожил в 1460 г. морейскую автономию. Фома бежал на Корфу, куда была перевезена и родившаяся в 1456 г. его младшая дочь Зоя (Софья)²⁵. По другой более распространенной версии Зоя родилась между 1443 и 1449 гг., и местом ее рождения были либо Патрас либо Леонтарион (Аркадия) — последние резиденции ее отца на Пелопоннесе²⁵. Мать Зои звали Екатерина, она являлась дочерью Захария II, последнего ахайского князя Чентурионе, свергнутого Фомой²⁶. На Руси же, судя по материалам следственного дела Берсеня Беклемишева, мать Софьи считали дочерью герцога Феррары²⁷. Софья унаследовала греко-католическую веру отца. 7 марта 1461 г. Фома был с почестями принят в Риме. Он передал Ватикану христианскую святыню — забальзамированную голову апостола Андрея. Фому наградили орденом Золотой розы, к которому папа приложил месячное содержание в 300 золотых дукатов, с выплатой кардиналами ежемесячно еще 500 дукатов. В августе 1462 г. на острове Корфу умерла мать Зои — Екатерина. 12 мая 1465 г. в Риме скончался сам Фома. Незадолго до смерти он выписал в Рим своих отпрысков — тринадцатилетнего Андрея, десятилетнего Мануила и девятилетнюю (или 15-летнюю?) Зою. Они остались на попечении латинского архиепископа. Папа не утруждал себя особой заботой о детях. Мальчикам дали мизерные пенсии в 50 дукатов в месяц, которые они продолжали получать и став взрослыми. Зоя в 1466 г. была отдана замуж за римского аристократа Карачолло, но довольно быстро овдовела.

По мнению известного британского исследователя Византии Стивена Рансима, юная Зоя, как и ее братья, в этот период уже исповедовала католицизм²⁸. Очевидно позже, когда у папы Сикста IV появилась идея выдать ее замуж за какого-либо православного властителя с целью пропаганды греко-католической унии, Зою вернули к православию в его униатской трактовке. Рим определил приданое невесте-униатке в 6 тыс. золотых дукатов.

Тем временем на Западе в роли главного наследника византийского трона выступал старший брат Зои — Андрей, что отражала его официальная и признаваемая всеми подпись: *Deo gratia fidelis Imperator Constantinopolitannus*. Однако его женитьба на простой римлянке Катарине в 1480 г., как и жалкое имущественное положение, никак не соответствовали императорскому величию. Статус Андрея Палеолога прекрасно отражал полное равнодушие, даже презрение Запада к падшему Константинополю. Это и понятно, ведь для большинства западных верующих Константинополь никогда не был «Вторым Римом», а его падение католики поняли, как справедливую божью кару схизматикам за противодействие унии. Андрей пытался «заняться делом» — отвоевать Морею, являющуюся частью его византийского наследства. Папа выделил на эти цели 2 млн. дукатов. Однако мало, кто поддержал данную затею, частью

из-за ее явной утопичности, частью из-за бездарности Андрея.

Вскоре деньги были растрочены, и утопающий в долгах наследник византийских императоров решил продать то единственное, что у него было — титул. Для нас очень важно, что с этой целью он отправился в Россию. Провал его миссии в 1490 г., показывает, какую роль играл брак с Софьей в формирующейся московской идеологии и политической практике. Очевидно, брак воспринимался неким декоративным украшением, подтолкнувшим к осознанию «великого откровения», но сам брак не являлся ни его истоком, ни тем более его центральной осью. Неудивительно, что Ивана III не заинтересовало предложение Андрея. Государь не купил титул и даже не предложил шурина-наследнику константинопольского престола остаться в своей столице. Вообще визит племянника последнего «византийского императора» не стал заметным фактом политической и идеологической жизни «нового Константинополя». В итоге Андрей был вынужден искать покупателей его титула в Европе. 16 сентября 1494 г. он передал свои права на константинопольский, трапезундский и сербский престолы французскому королю Карлу VIII. Карл в соответствии с заключенным соглашением обещал оплатить долги византийца и выплачивать ему содержание в 1200 дукатов в год. Французский король подружился с Андреем, избавил его от натиска кредиторов, но неизвестно, в каких масштабах и как долго выплачивалось византийскому принцу содержание. В 1494 г. Карл VIII умер молодым и бездетным от несчастного случая. Титул византийского императора, как и нужда, вернулись к Андрею. В 1502 г. он подписал договор о передаче своих прав на константинопольский и другие причитающиеся ему престолы испанским монархами — Фердинанду и Изабелле, которые так и не оплатили это приобретение. В том же 1502 г. Андрей скончался. Его вдова с трудом просила на похороны у папы Римского 104 дуката.

Жизнь другого брата Софьи — Мануила была не так осложнена материальными трудностями, но позорна для христианина и отпрыска императорской крови. В 1477 г., не найдя применения в Италии, Мануил бежал к завоевателю его родины султану Мехмеду II. Получил из милости поместье близ Константинополя, женился и имел двух сыновей, старший из которых — Иоанн скончался юным, а младший — Андрей (после обращения в ислам — Мехмед-паша) служил судебным чиновником и умер, вероятно, бездетным.

На фоне жалких судеб Андрея и Мануила Палеологов судьба Софьи Палеолог выглядит достойной, но достоинство это происходило не столько от прежнего величия рухнувшей Византии, сколько от реальной силы поднимающейся Московской Руси, востребовавшей византийскую царевну, исходя из собственных соображений. В дальнейшем по мере надобности Москва будет пользоваться «услугами»

византийского Востока. В январе 1547 г. в византийских бармах и московской шапке Мономаха венчался на царство внук Софьи — Иван IV Васильевич. У Ивана Грозного, по сообщениям иностранцев, было несколько корон вполне европейского образца²⁹, но в особо важных случаях, в ходе главных христианских праздников он являлся именно в шапке Мономаха. В ней царя, очевидно, увидел в день празднования Крещения Господня 4 января 1558 г. посол английской королевы Антоний Дженкинсон. Курьезно, но в отличие от москвитов он правильно понял происхождение экзотического царского венца, назвав его «короной татарского образца»³⁰. Возможно, ему об этом поведали татары в царском дворце. Накануне, 3 января, Дженкинсон пировал в числе избранных 600 персон вместе с Иваном IV; рядом в других залах и комнатах дворца «обедали» 2 тысячи татар — «воинов, которые только явились с изъявлением покорности царю и назначены были служить ему в его войне с лифляндцами...»³¹.

Принятие Иваном IV царского (т.е. императорского в понимании того времени) титула, как подтверждения роли московского царя, как преемника византийских императоров, подкрепляло письменное соборное благословение греческих святителей во главе с вселенским константинопольским патриархом. И не важно, что в действительности в данной грамоте лишь одна подпись была настоящей. Москва занималась «самовнушением». Она убеждала себя и свой народ, что данный документ — это акт вселенского православного масштаба. Царь Иван IV свято верил в это, а потому держал себя с императорским величием. Коллега Ченслора британский капитан Климент Адамс описал в своем «Английском путешествии к москвитам» прием англичан Иваном IV. «Вошедшие в аудиенц-залу англичане были ослеплены великолепием, окружавшим императора. Он сидел на возвышенном троне, в золотой диадеме и богатейшей порфире, горевшей золотом; в правой руке у него был золотой скипетр, осыпанный драгоценными камнями; на лице сияло величие, достойное императора»³².

Москва и «римское наследство»

Однако реального и мифологического «византийского наследства» Москвы для позиционирования себя за рубежом в европейском пространстве конца XV в. было мало. Западноевропейские современники Ивана III смотрели на рухнувшую Ромейскую империю со значительной долей презрения, как на закономерный итог давнего европейского спора между Востоком и Западом на предмет того, где находится «подлинный Второй Рим». В этом плане Москве необходима была историческая традиция, связывавшая Русь напрямую с «Первым Римом».

И такая традиция начинает создаваться языком геральдических символов и дипломатических жестов. Приехавшие в конце 1480-х гг. в Москву послы

Габсбургов утверждали, что слышали о неких произошедших ранее переговорах между Иваном III и папой Римским о предоставлении московскому великому князю королевского титула. Русские документы молчат на данный счет, но весьма возможно, что в свое время в преддверии брака Ивана III и Софьи данный вопрос поднимался. В 1488–1489 гг. через своего посла Николая Попея уже император Священной Римской империи Фридрих III не прочь признать Ивана III равней польского короля, а также предполагает организацию брака дочери московского государя с императорским племянником. Для ново-рожденной державы неслыханный успех! Великие князья Литовские и Русские, к примеру, могущественный Витовт в свое время сколько не стремился к королевской короне, так ее и не обрел. В обмен Фридрих III рассчитывает на союз с Москвой против Турции и поддержку его сына Максимилиана в войне за венгерский престол, который тогда занял Владислав, представитель априори враждебной Московии династии польско-литовских Ягеллонов. Москва была готова заключить альянс против Ягеллонов, а вот предложение принять от императора королевский титул встретило спокойный, но решительный отказ. «А что ты нам говорил о королевстве, — заявил Иван III, — то мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наша прародители, так и мы. Молим Бога, чтобы нам и детям нашим дал до века быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим»³³.

Нам в данной истории важно еще одно обстоятельство: отказавшись принять корону из рук императора, отклонив тем самым честь считаться вассалом Германской империи, Иван III вдруг потом делает гербом своей державы двуглавого орла. Во времена Ивана III черный двуглавый орел на золотом (желтом) поле служил гербом Священной Римской империи германской нации и отдельных ее стран, в частности Австрии. В Европе его толковали, как символ преемственности Священной Римской империи германской нации — «Второго Рима» от Рима Древнего.

Первый из дошедших до нас русских памятников с изображением двуглавого орла — это печать Ивана III 1497 г. на его договоре со своими племянниками, удельными князьями волоцкими. Двуглавый орел с раскрытыми «опущенными» крыльями и двумя коронами на головах изображен, что также важно, на оборотной стороне печати. На главной — лицевой стороне был помещен используемый с 1434 г. в качестве герба московских князей Георгий Победоносец, поражающий копьём крылатого змея. После смерти Ивана III двуглавый орел не ушел из государственной атрибутики России, а стал «сдвигаться» на все более почетное место. При Иване IV (1533–1584) двуглавый орел и Георгий-драконоборец воссоединились в од-

ной фигуре: святой воин изображался на груди орла. В XVII в. к орлу с Георгием на груди добавились новые элементы, в частности третья корона. При Михаиле Федоровиче (1613–1645) три короны трактовались, как символы трех царств, присоединенных к Московскому государству — Казанского, Астраханского и Сибирского. Позже в XVIII веке в массовом сознании возобладало «народное» представление о трех коронах, как символах Великой, Малой и Белой Руси.

Вернемся, однако, к изображению орла на печати 1497 г. Оно весьма близко к эмблеме Священной Римской империи. Подобные орлы или части их в Западной Европе встречались повсеместно в государственной символике вассалов германских императоров. Но мы знаем, что Иван III довольно резко отклонил честь стать вассалом императора. Как объяснить парадоксальные действия русского монарха? Можно предполагать некие не разыгранные сценарии. Но скорее, москвиты, языком понятным поднаторевшим в геральдике европейцам (и именно обращаясь к ним, т.к. в самой России символический язык гербов не употреблялся) объясняли: Россия имеет право на «Римское наследство» не меньшее, чем Германская империя. Употребление двуглавого орла, как символа Московского государства, имело тот же подтекст, что и шапка Мономаха в случае с выбором наследника престола в 1498 г. Герб был намеком на «преемственность» России от Первого Рима, что обосновывало равенство московского государя с самым титулованным монархом Западной Европы — императором Священной Римской империи германской нации.

Кстати, в случае с двуглавым орлом Московская Русь не первый раз пыталась объясниться с Европой на языке принятых в Европе символов, имеющих герметический (скрытый, сакральный) подтекст. За 10–20 лет до печати 1497 г. в Москве были выпущены золотые монеты, так называемые «корабельники». На одной стороне монеты было помещено изображение корабля, а на другой, главной — здесь помещалась надпись именовавшая Ивана III «государем всея Руси» был изображен крест и четыре единорога вокруг него. Данная монета была «плагиатом» на английские «корабельники», с кораблем на одной стороне и львами на другой. Политическим и внешнеполитическим подтекстом выпуска московских «корабельников» можно считать ту трактовку образа единорога, которая бытовала в пределах соседних Литвы и Польши, уходя в популярные тогда на Западе астрологические постулаты. Согласно им «Планета, рекомая Крон, а держит суботу, а стоит над Русью над Новым городом и над Москвой и над Литвою; а домы его Козий Рог, зимнего прироженья, сухого и студеного» (переводная с польского статья, помещенная в состав Виленского и Холмского сборников XVI в.³⁴). Эта весьма непонятная для неподготовленного читателя реплика означала, что покровителем четырех территорий — Западной и Южной Руси, Новгород-

чины и Московского княжества среди небесных тел является Сатурн (Крон). Подчинение одной планете свидетельствует о внутреннем единстве данных территорий, которое должно воплощаться и в едином их управлении. Сатурн имел связь с созвездием Козерога и Водолея, причем на Руси с древнекиевских времен отождествляли Козерога и Единорога. Изборник Святослава 1073 г., воспроизводивший все знаки Зодиака, изображал Козерога именно, как Единорога, что сохранялось в русской традиции до конца XVI в. Выпустив большую золотую монету с крестом, единорогами и надписью о себе, как «государе всея Руси», Иван III заявлял, что именно он — истинный правитель данных территорий, включая земли, входившие в состав Великого княжества Литовского. Напомним, что изображения креста, как и изображение единорога в западноевропейской средневековой символике всегда связывалось с понятиями истины, нравственной чистоты, абсолютного добра. Претензии московского князя на титул государя всея Руси, естественно, оспаривались польско-литовской дипломатией, прекрасно понимавший смысл нового титула московского великого князя, его внешнеполитические претензии. Традицию помещать единорога (с большим, как мы видим, смысловым подтекстом) на монетах и даже печати продолжил внук Ивана III — Иван IV. На его большой печати 1562 г. с обеих сторон был помещен двуглавый орел с щитами на груди. На главной стороне на щите был Георгий Победоносец, поражающий змея, на оборотной — единорог. Эта композиция была продублирована и на золотых монетах последнего московского Рюриковича — царя Федора Ивановича, как раз в тот момент, когда его кандидатура выдвигалась на осиротевший престол Речи Посполитой.

Для «внутреннего пользования» похожесть русского двуглавого орла на германского «собрата» была звеном абсолютно лишним и даже оскорбительным, ибо намекала на связь «чистого православного царства» с «еретическим латинским Римом». Поэтому в Москве рождается новый миф, так сказать, для внутреннего пользования, распространенный до сих пор. Ему отдали дань многие историки, включая В.О. Ключевского³⁵. По этому мифу двуглавый орел («орел Палеологов») — это символ православной Византии. Данная легенда повлияла даже на облик герба современной постсоветской России. «Неправильные» западно-римские черно-желтые цвета дореволюционного российского герба сменил «правильный» византийский красный фон с золотой двухголовой птицей. Ведь таков был «герб Византии»! Хотя еще в начале XX в. знаток византийских и русских печатей Н.П. Лихачев настаивал на том, что Москва не могла взять у Византии то, чего та не имела, а именно государственной печати с двуглавым орлом. Золотой орел, как и красный — порфиновый цвет, — все это украшения, но такие, которые позволялось иметь лишь императору и его ближайшим родственникам.

По двуглавым орлам на вещах был установлен, в частности, факт гибели последнего византийского императора. Францис, друг и секретарь Константина XI, сообщил, что султан искал его суверена среди живых и мертвых и поверил в его смерть лишь, когда ему принесли обезглавленное тело в носках с вышитыми орлами и той же эмблемой выбитой на ножных латах³⁶.

Уже в течение ста лет многие историки опровергают гипотезу «наследования» орла в связи с женитьбой Ивана III на византийской принцессе Софье, как, кстати, и версию об огромном влиянии Софьи на властные действия ее мужа. Обращает на себя внимание факт несоответствие дат. Свадьба состоялась в 1472 г., а печать с якобы «палеологовским орлом» появляется только в конце 1490-х гг.

Наиболее обоснованной концепцией появления у России двуглавого орла в настоящее время считается гипотеза Э. Корнеманна³⁷. Он категорически отрицает роль Византии, как посредника в передаче двуглавого орла. По его мнению, данная эмблема корнями уходит в шумерскую мифологию, для которой характерно удвоение человека, животного или их отдельных частей. Переходным звеном являлись персидские царства, где двуглавый орел использовался в качестве орнамента, лишённого геральдического смысла. И, наконец, в Европу он попал в результате крестовых походов и возникновения вокруг Константинополя, захваченного крестоносцами в 1204 г., Латинской империи. Тогда он и приобрел «римский» символический смысл и определенный «византийский» подтекст. В качестве герба Священной Римской империи германской нации двуглавый орел утвердился в правление императора Сигизмунда I (1368–1437, император с 1410 г.). С германской печатью московские дипломаты познакомились, когда вели «для приятельства и любви» переговоры с домом Габсбургов. При всей своей искренней уверенности в божественной природе власти московских государей, Иван III, человек исключительно зрелого ума, не мог не понимать, что на новом уровне развития государственности России и в контексте ее связей с Европой, потребуются чисто внешние атрибуты, подтверждающие в глазах западных европейцев его высокое происхождение. Отсюда и новая, аналогичная европейской, символика.

Двойственность, свойственная позиционированию себя московской великокняжеской власти за рубежом и дома, породила «римский» и «византийский» подтексты государственной печати. Однако, чтобы утвердить новый статус России в глазах западных европейцев и качественно новое самовосприятие россиян внутри собственного государства одного зрительного символа, выданного на оттисках печати, было мало. Требовалось более глубокое обоснование «связи и с первым, и вторым Римом», и оно было озвучено в «Изложении Пасхалии» митрополита Зосимы (1492 г.), в Чудовской повести (конец XV в.),

«Посланиях» Спиридона-Саввы (1511–1523), письмах псковского монаха Филофея (1523–1524), «Сказаниях о князьях Владимирских» (1530–1540-е гг.). Историки спорят о времени генезиса и авторстве идеи «Москва — Третий Рим». На наш взгляд, эта доктрина складывалась постепенно и ее автором не мог выступать один человек. Тем более, как мы видели, первые догадки подобного рода возникли вообще вокруг легенды о шапке Мономаха. Приоритет первым постулатам, изложенным письменно, стоит отдать сочинению митрополита Зосимы, а уже в хорошо проработанной форме положения новой идеологии зафиксированы, как показывает исследование Б. Флори в «Послании Спиридона-Саввы», созданном ссыльным православным иерархом по прямому заказу государства.

Мы остановимся подробнее на данном сочинении. Спиридон-Савва был родом из Твери, но карьеру сделал в Великом княжестве Литовском и Русском, где в 1475 г. при поддержке православных панов стал киевским митрополитом. Его поставление утвердил Константинопольский патриархат, что послужило поводом к заточению митрополита сначала в Литве, а потом и в Московской Руси. Польский король и литовский великий князь Казимир IV был против назначения Спиридона-Саввы, а в Москве выразили недовольство сношениями Спиридона-Саввы с патриархатом, находившимся во владениях «поганого царя» (турецкого султана)³⁸. В начале XVI в. бывший киевский митрополит находился в Ферапонтовом монастыре и, когда к нему привезли из Москвы лицо, объяснившее заказ и снабдившее сидельца необходимыми для его выполнения сведениями, отказываться ссыльным не стал.

В его труде впервые были сформулированы три аксиомы: Москва связана родственными и преемственными линиями с тремя главными субъектами вселенской истории: *первыми древними восточными царствами, Римской империей и Вторым Римом — Византией*.

Для обоснования первого постулата Спиридон-Савва рассказал о внуках библейского Ноя Хусе, ушедшем из Египта в Индию, и Месреме, оставшемся в Египте. Потомок Месрема Сеостр «первое всех на лица всея зземля воцарися в Египте», а уже его потомок Филикс «пооблада вселеною»³⁹. (Империя Александра Македонского расценивалась уже, как второе овладение вселенною.) Со временем римский «стратиг» Август завоевал Египет и, подобно библейскому Давиду по Божьей воле стал законным преемником династии Месрема-Сеостра-Филикса. Августа венчали на царство: облакали в «порфиру» (одежду) «начального царя» Сеостра, а на плечи возложили «окровницу» (ожерелье или бармы) «царя вселенной» Филикса. Далее Август в своей «вселенской римской империи» назначает «сродников» начальствовать над отдельными ее частями и некий Прус, впервые появившийся в русской политической мифологии, получает земли в Прибалтике и у Вислы

с городами Морборок, Торун, Хвойница, Гданеск и др. По имени Пруса подвластные ему территории получили название Пруссия. Прямым потомком Пруса являлся Рюрик, приглашенный некогда княжить на русский север, а от него пошли все древнерусские князья и династия Московских Рюриковичей. Таким образом, Московские Рюриковичи «сродники» Августа, преемника первого на земле царя Сеостра и первого вселенского правителя Филикса. Ни один из европейских монархов, начиная польскими Ягеллонами и кончая австрийскими Габсбургами, не мог похвастаться такой родословной! И не важно, что вся она была вымыслом Спиридона-Саввы. Вскоре эта версия превращается в отечественный миф, развивать который будет уже «Сказание о великих князьях Владимирских», и для народа все написанное в «Послании Спиридона-Саввы» и в «Сказании...» будет безусловной исторической правдой.

Современный историк же легко найдет наивные внешнеполитические причины, заставившие московского государя Василия III обзавестись столь грандиозной родословной. Б. Флоря указывает на два обстоятельства. Во-первых, у польского историка Яна Длугоша, скончавшегося в 1480 г. уже присутствует легенда о том, что литовцы потомки сторонников Помпея, бежавших от победителя Помпея Цезаря на побережье Балтийского моря. Возможно, данная версия была известна в Москве от перебежчиков из ВКЛ и московская формула Ивана III — «поставление имеем от Бога» требовала доказательств. В заключительной части «Послания» имелась даже атрибутика старинных вещей, хранящихся в государевой сокровищнице и освященных московскими устными легендами. Спиридон-Савва вписал происхождение данных вещей в канву рассказа о «римско-византийском наследстве» Рюриковичей. Преемник Августа византийский император Константин Мономах в свое время убедил своего внука киевского князя Владимира Мономаха, отправившегося воевать Византию по примеру своих «сродников» Олега и Святослава, прекратить войну, разделив с византийским императором «царский жребий», т.е. ответственность за управление вселенной. Эфесский митрополит Неофит привез, по версии Спиридона-Саввы, Владимиру предметы для венчания его на царство: крест, с частью креста, на котором распяли Христа (его император Константин собственноручно снял со своей шеи); царский венец (шапка Мономаха) и ожерелье Августа («окровница» превого вселенского царя Филикса — византийские бармы). Московский государь Василий III, подчеркивает Спиридон-Савва, потомок Владимира Мономаха, и тоже, как он, венчан «царским венцом» императора Константина Мономаха (легендарной шапкой Мономаха). Как мы указывали выше, в русских источниках нет упоминания о торжественном венчании Василия III в качестве наследника и соправителя отца. Низвержение Дмитрия Внука, коронованного «царской шапкой» в 1498 г.,

Иван III провел без помпезности, как и объявление новым наследником Василия. Очевидно, заказывая «Послание...», государь Василий Иванович решил исправить подобную несправедливость...

Вторым обстоятельством, подтолкнувшим московские власти побудить Спиридона-Савву написать «Послание» была необходимость придать законность одному соглашению Москвы с Тевтонским орденом, которое в случае успеха могло принести России ряд территориальных приобретений в Прибалтике. В 1517 г. тевтонский магистр Альбрехт Гогенцоллерн собирался воевать с польским королем Сигизмундом за так называемую Королевскую Пруссию (западную часть земель древних пруссов, которой обладала Польша). В обмен на московские субсидии для этой войны Альбрехт обещал поделить с московским государем города Гданьск, Торунь, Марборк, Хвойница, которые собирался отнять у короля Сигизмунда⁴⁰. А дальновидный московский государь уже готовил доказательства своих древних прав на всю Пруссию (и тевтонскую, и польскую), которые и Альбрехта, и Сигизмунда выставляли лишь узурпаторами власти на данных территориях.

Постулаты Спиридона-Саввы почти целиком вошли в «Сказание о великих князьях владимирских». Был выброшен лишь пассаж о связи с первым царем Сеостром, ибо в хорошо известной на Западе и Востоке Европы «Хронике Георгия Амартола» Сеостр характеризовался, как «злодей... от колена Хамова»⁴¹.

Наиболее законченным выражением идеи о вселенском «римском» величии Москвы явились, конечно, послание конца 1523–1524 гг. старца псковского Елеазарова монастыря Филофея, где собственно и прозвучал идеологический штамп «Москва — Третий Рим». Филофей предельно четко сформулировал мессианскую роль России — как единственного правильного христианского царства на земле, которое есть венец земной человеческой истории: ведь «...веси, христороубче и боголюбче, яко вся христианская царства придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. <...> яко вся царства православныя христианския веры снидошися в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь... яко вся христианская царства снидошася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостол Павел поминает Рима в Посланиях, в толковании глаголет: Рим весь мир»⁴².

Интересно, что доктрина «Москва — Третий Рим» формируется в сочинениях Филофея как бы исподволь. Первая группа посланий состоит из трех сочинений, адресованных государеву псковскому дьяку М.Г. Мисюрю-Мунехину: Послания по случаю мирового поветрия, Послания на противящихся божьей воле и Послание против астрологии (против

«звездочетов»). Последнее из названных трех было спровоцировано ростом влияния на Василия III и его ближайшего окружения придворного лейб-медика из Любека Николая Булева. Николай ратовал за объединение церквей и первенство западного «Второго Рима», а как астролог предрекал скорый конец света, который западные «звездочеты» теперь связывали с 1524 г., а ранее с 7000 г. от сотворения мира (1492). Булев перевел астрологический «Альманах» Штоффлера. С переводом ознакомились Федор Карпов и М.Г. Мисюра-Мунехин, и каждый из них обратился за разъяснениями к уважаемым ими православным авторитетам: первый — к Максиму Греку, второй — к старцу Филофею. Оба монаха осудили астрологические выкладки немца, а Филофей был спровоцирован и на более широкое идеологическое выступление, в результате которого и родилась новая русская православная доктрина геополитической картины мира.

Вторая группа посланий (или редакций одного Послания), приписываемых Филофею, связана с именами великих князей Василия III и Ивана Васильевича. Ряд историков, в частности В. Малинин и Н.Н. Масленникова, считают, что одно Послание, адресованное Василию III, Филофей написал где-то в 1510–1512 гг. Это Послание посвящалось правильному совершению крестного знамения и обличению мужеложства. Другое послание — «Об обидах, причиняемых русской церкви», где упомянут великий князь Иван Васильевич, было направлено уже Ивану IV⁴³. Историки О. Оглобин и Н.Е. Андреева напротив полагают, что это сочинение было направлено Ивану III. Есть и иная версия: все названные сочинения второй группы компиляции, созданные в кругу митрополита Макария в конце 1530–1540-х гг. Они лишь приписывались Филофею и базировались на его идеях, высказанных в «Послании против звездочетов» 1523–1524 гг., которое и есть основной труд Филофея по созданию доктрины московского мессианства⁴⁴. До сих пор, хотя, на наш взгляд, не справедливо, наиболее популярной в исторической науке является тезис о том, что именно Филофей первым заложил основы идеи «Москва — Третий Рим». Эта версия была изложена в 1869 г. в докторской диссертации В.С. Иконникова⁴⁵. Современные исследования Б. Флори, Н.В. Сеницыной⁴⁶ значительно корректируют прежний взгляд.

Излагая свой взгляд на мир, Филофей одновременно заимствовал и оспаривал многие распространенные на Западе идеи. Нет никаких герметических наук, смешны выводы немцев-астрологов: звезды и планеты неодушевленные тела и не могут оказывать влияние на судьбы народов и тем более империй. Вся истина в вере. Причина падения древних великих царств — неспособность обрести истинную веру. Филофей несомненно был знаком с теорией четырех древних царств, основанная на интерпретации объяснения библейским пророком Даниилом сна На-

вуходоносора (Дан. 2:37–40). В русских хронографах древняя история обычно излагалась так: «Ассирийское царство...разорится вавилоняны», Вавилонское падет от персов; Персидское от македонян; Македонское от языческого Рима. Далее наступит поворот во всемирной истории ибо родится христианский Рим, но, как объясняет Филофей, первые два воплощение «Ромейского царства» — Первый Рим и Второй падут «...во истину суть еретицы, своею волею отпадше от православныя веры христианския, паче же опресночного ради служения... в Аполинариеву ересь впадше, прелшени Карулсом царем и папою Формосом...»⁴⁷ Филофей явно отдает дань концепции «переноса империи» («translatio imperii»), на основе которой средневековый Запад обосновывал возведение новых европейских монархий в статус правомочных наследников Римской империи. «Рим» (у Филофея — на византийский манер «Ромейское царство») это понятие, не имеющее единственной и постоянной пространственно-временной характеристики. Рим — это духовный центр мира, который странствует по свету во след местопребыванию истинной церкви и истинной, т.е. православной веры. Рим («ромейское царство») тождественно и понятию «мир», т.е. вселенная — «Рим — весь мир». «Падению» Первого и Второго Рима из-за ереси противопоставлена идея «стояния Рима», как вечной истины. Вселенский мир будет правильно устроен, ибо таков замысел Всевышнего. «Третий Рим» возглавит защитник истинной христианской веры — православный царь. В цитате, которую мы поместили в начале нашего рассказа о Филофем, заключена вся квинтэссенция его теории: великий московский князь теперь такой «царь», Россия — «царство», в которое по Божьей воле перешли все функции «Ромейского царства». В принципе, по мысли Филофея, «Ромейское царство» вечно, «неразруσιμο» по крайней мере, до второго пришествия Христа и Страшного суда; Москва это новое воплощение «вечного Рима», современная форма «Ромейского царства».

Согласно мифу, созданному в России в конце XV — середине XVI вв., с превращения Москвы в Третий Рим начался новый этап не только русской истории, но истории мировой. После же гибели «Второго Рима» Москва осознала и порученную ей Богом великую миссию: спасения христиан (и вообще людей), через расширение православного мира, путем включения стран и народов в состав Московского государства, единственного истинного христианского царства. Более простодушные и менее философски настроенные популяризаторы новой русской доктрины вскоре найдут в своей столице, как в Первом Риме семь холмов (очень забавная мысль для города, построенного на одном холме — Боровицком).

До конца XVI в. идеи доктрины «Москва — Третий Рим» существовали лишь в контексте публицистических произведений («Изложении Пасхалии»

митрополита Зосимы, в Чудовской повести, «Послании» Спиридона-Саввы (1511–1523), письмах псковского монаха Филофея (1523–1524), «Сказаниях о князьях Владимирских»). Они использовались властью, но не имели статуса официальной доктрины и в своем всеобъемлющем виде были достоянием весьма узкого элитарного круга духовных лиц и государственных деятелей. Их «канонизация» именно, как официальной церковно-государственной концепции, связана с утверждением в Москве в 1589 г. патриаршества. Первым официальным документом, содержащим доктрину «Москва — Третий Рим» стала Уложенная грамота Московского Освященного собора с участием константинопольского патриарха Иеремии II и греческого духовенства. «...твое же, о благочестивый царю, — обращается в этой грамоте вселенский патриарх к царю Федору Иоанновичу, — великое Российское царствие, Третий Рим, благочестием всех превзыде, и вся благочестивая царствие в твое в едино собрася, и ты един под небесем христианский царь именуиши в всей вселенной, во всех христианех»⁴⁸. Далее идея «Москвы — Третьего Рима» легла в основу всех официальных сводов Российской истории, созданных в конце XVI–XVII вв.⁴⁹ «Русские книжники осуществили попытку осмыслить себя в перспективе мировой истории через выражение «русского» и «славянского» с помощью «римской терминологии» посредством изменения перспективы, в которой видит и размещает себя народ, Церковь, страна, — перспективы не только в пространстве (вширь — на Восток и Запад), но и во времени (вглубь, к первым векам христианской или всей Священной истории)»⁵⁰.

Если в Западной Европе «римская идеологическая активность» Москвы встретила скорее равнодушие, то Литва, которая в конце XV в. продолжала владеть большинством западнорусских и южнорусских территорий, хотя переживала полонизацию и практически утратила привлекательность для православных в качестве центра консолидации «народа русского», ответила настоящим идеологическим «контрнаступлением». Гедиминовичи тоже полагали себя потомками римлянина императорского рода — Палемона. В XVI в. в литовских и польских интерпретациях легенд о римском происхождении Гедиминовичей звучат «жесткие» ноты в отношении Руси. Подчеркивается, что потомки римлянина Палемона силой захватили княжества бывшей Киевской Руси, и от того «вскричала вся Русь великим голосом и плачем»⁵¹. Палемоновичи гордятся «злодействами» над русскими и тем, что отняли власть у потомков Пруса, которые после поражения от Батыя, а также униженного татарского рабства, утратили «римский дух» и право владеть своим народом⁵².

Москва не оставалась в долгу и не признала римского происхождения ни у литовцев в целом, ни у их князей в частности. Русские авторы XVI в. «... создали свои варианты родословия литовских правите-

лей. Согласно первому из них, в 1293 году (по другим версиям, в 1322 году) из татарского плена сбежал князь Витянец (по некоторым источникам, из рода смоленских князей). Он поселился в Жемайтии у некоего бортника и женился на его дочери. Но их брак был бездетен. После его смерти жену «попаял» конюх Гигемник, и от этого союза произошли семь литовских князей, в их числе — Ольгерд, Кейстут и Свидригайло»⁵³.

Все эти «римские мифы», получившие статус сакральных государственных ценностей в рамках канонов средневекового мышления, заинтересовали нас только с той стороны, что теория «Москва — Третий Рим», которую часто воспринимают, как идеологическое обособление и даже противопоставление России Европе, является московским вариантом чисто европейской средневековой политической традиции, популярной как на Западе, так и на Востоке европейского континента. Создание доктрины «Москва–Третий Рим» являлось идеологической и историко-политической частью процесса европеизации России, который пошел с нарастающей силой сразу же после рождения единого Московского государства.

Однако с началом Нового времени в Западной Европе средневековая мифологическая форма мечты об идеально правильном и угодном Богу государстве — о «Новом Риме»⁵⁴ теряет актуальность. Идея «нового Рима», как идея совершенного государства переселяется там в политико-философские трактаты, где светская научная мысль вытесняет религиозное вдохновение мифа. Становление западноевропейского абсолютизма, начавшееся еще в ходе формирования централизованных государств в XV–XVI вв., найдет свое теоретическое обоснование в XVII в. в трудах французского юриста и политического мыслителя Жана Бодена (1530–1596) и его соотечественника епископа Боссюэ (1627–1704), а также в работах других западноевропейских ученых. В России же, где в XV–XVII вв. продолжалось средневековье, миф, как основная форма миропонимания, обретает новое дыхание вместе со становлением мощного государства. Сказания о шапке Мономаха, Прусе и римско-византийском наследии Рюриковичей закладывают фундамент новой «русской идеи», на которой будет стоять государственно-национальная идеология Московского царства и Российской империи вплоть до начала XX в.

Причем, несмотря на мифологическую оболочку, под влиянием изменения внешнего положения России, включившийся в геополитические европейские горизонты, доктрина «Москва — Третий Рим» частично несет в себя зашифрованные в символах и образах идеи, близкие тем, что высказывали в своих научных трактатах западноевропейские политические мыслители. Прежде всего, эта *идея национального государства и идея империи*, претендующей на громадный (вселенский) статус. Новый титул Ивана III — «Государь всея Руси» — это уже заявка на роль собирателя всего русского народа, который

прежде жил в узком и замкнутом на себя внутри-русском пространстве, разделенном удельными границами, занятый междоусобными тяжбами *своих* князей. Теперь русские люди, собранные в большом государстве, обнаружили на своих границах иные народы, культуры, привычки, быт, что помогло им ощутить собственное родство. Прежняя внешняя политика, сводившаяся к войнам и договорам меж собой русских князей да их отношениями с ордынскими ханами, теперь перешла на другой уровень, она стала отражать борьбу народов. Складывавшаяся в XII–XV вв. этническая общность жителей Русского Северо-Востока, подкреплённая религиозно-культурным единством, дополнилась мыслью о необходимости единства государственного. Воспоминания о Киевской Руси, как общем отечестве, приобрели новый смысл. Москва, по мере собирания русских земель, утвердилась в роли преемника Киева. Москва становится символом политического объединения на народной национальной основе. Северо-Восточная Русь все более трансформируется в Великороссию, государь которой должен превратиться в политического лидера, который формулирует и защищает национальную русскую идею. Отсюда новое понимание государственного начала, как отражения интереса формирующейся нации.

Конечно, в силу особенностей средневековой ментальности, мы не найдем ни в одном из памятников, отражающих доктрину «Москва — Третий Рим», цельного и четкого выражения данных понятий. По меткому выражению Ключевского, все «развивалось туго», находилось «в фазе смутного помысла или шаткого настроения»⁵⁵. Все выражалось в представлениях, пришедших из XII — первой половины XV вв., рожденных вотчинной природой социально-экономического и политического уклада северо-восточной русской самобытности. Тот же Иван III, да и внук его Иван IV Грозный, заявляли притязания на всю Русскую землю во имя государственного начала,

отражающего интересы целого народа, а обладать ей хотели, как собственники-вотчинники, рассматривающие подданных всех сословий, как холопов своих. Еще резче данный диссонанс проявлялся, когда Москва ставила вопрос об имперском расширении, позиционируя себя то в качестве защитника всех православных, то в качестве объединителя и примирителя разных народов Запада и Востока. Причем династические права Рюриковичей на свои «вотчины» были московским государям понятнее, чем смутные догадки об иной, новой роли монарха в его «вселенском православном царстве» и новых обязанностях государства. Все эти противоречия доктрины «Москва — Третий Рим» отражали особенности средневекового Московского государства, решительно брошенного своей геополитической мощью в европейский мир раннего Нового времени.

В отличие от Западной Европы для российского общественного сознания и менталитета даже в «русское новое время» (конец XVII — начало XX в.) было характерно не изживание старых средневековых форм, в частности — мифа, а параллельное его существование с новыми научными идеями и категориями обыденного здравого смысла. При этом миф подвергался определенной трансформации, даже налету «научности», и это позволяло ему оставаться основной формой объяснения окружающего мира для российского массового (народного) сознания вплоть до XX в.

Summary: The article provides a brief analysis of the reasons for an emergence of the «Moscow — the Second Rome» doctrine as an ideological and political part of the process of the Europeanization of Russia in the end of XV century — middle of XVI century. It contains a description of a prehistory of a Moscow concept of «Byzantine and Roman heritage» of Russia, of its implementation both inside the county and in the foreign policy, of attempts to understand historic prospects of the Moscow State, of its role in Europe and in the world.

Ключевые слова:

Миф — как основа архаической и средневековой картины мира, осмысление «вселенской» роли Римской империи в идеологии средневекового Запада, Византия — Второй Рим, постепенная смена историко-идеологических, религиозных и правовых ориентиров Запада в раннее новое время, «римское наследство» в Великом княжестве Литовском, политическая и историко-идеологическая роль вещи-символа в Московской Руси — легенда о шапке Мономаха, Спиридон-Савва, Филофей, становление доктрины «Москва — Третий Рим» в контексте европейских представлений эпохи средневековья и раннего Нового времени.

Key words:

Myth as a basis of an archaic and medieval picture of the world, trying to understand the «universal» role of the Roman Empire in the ideology of the Medieval West, Byzantine Empire as the Second Rome, gradual change of historic and ideological, religious and legal reference points of the West in the early New Time, «Roman Heritage» in the Great Lithuanian Principality, political, historical and ideological role of a sacral object in the Moscow Russia — a legend about the Monomakh's hat, Spiridon-Savva, Filofey, formation of a doctrine «Moscow — the Second Rome» in the context of European views of an epoch of the Middle Ages and early New Time.

1. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М. 2008. С. 77.
Стивен Рансимен, заимствовавший эту информацию у Кёпрюлю, отметил, что Кёпрюлю считал эти рассказы выдумкой. Сам Рансимен полагал «императорские корни» Мехмеда II не таким уж невероятным вымыслом. «У династии Османов, — пишет британский историк, — могли оказаться предки как из Сельджуков, так и Комнинов; но если это справедливо, то последние, вероятно, появились позднее, в результате брака Баязеда I с одной из гермянской княжной». (См.: Рансимен С. С. 77. Сноска 12.)
2. Филюшкин А. Сказки о Литалии. Легендарные родословия великих князей литовских и русских // Родина. 2003. № 11. С. 52.
3. Есть «самобытные» легенды о «коренных доисторических» богатырях Елоне и сыне его Геллоне, избавившем литовцев от наездников-людоедов, о правнучке Гелонна Глалимине, который будучи воспитан у союзников литовцев восточных славян дреговичей вернулся на родину и возглавил свой народ. Знаменитый Гедимин приходился ему правнуком. Другой миф рассказывает о скандинавском происхождении всех литовских князей, происходивших от двух братьев варягов Брутене и Вейдевуте, которые возглавили борьбу литовцев против наседавших на них мазовшан. После победы Вейдевут был избран главой литовцев с титулом «судья судей» (Криве-Кривейто). Его резиденцией стал замок Гарто (Гродно), а в одной из 12 частей, на которые разделил свои владения Вейдевут, сидел его сын Литво. От него страна прозвалась Литвой, а сам он — прародитель литовских князей. (Подробнее см.: Черты из истории и жизни литовского народа. Вильно. 1854. С. 73–83.)
4. Филюшкин А. Указ. соч. С. 52–53.
5. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 117.
6. Там же.
7. Там же. С. 118.
8. СГГД. Ч. 2. М. 1819. № 25. С. 27–28.
9. Софья Палеолог родила 12 детей, в том числе 7 сыновей: Василия (1479–1533), Юрия (1480–1536), Дмитрия (1481–1521), Ивана (1485–?), Симеона (1487–1518), Андрея (1490–1536), Бориса (?–1503).
10. Ключевский В.О. Указ. соч. С. 114.
11. Контарине А. Путешествие в Персию // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 8–9.
12. Соловьев С.М. Соловьев Соч. в 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 3. Т. 4. С. 58.
13. Кстати, когда в 1502 г. Иван III все-таки решил провозгласить своим наследником Василия, обошлись без шапки Мономаха. Однако после смерти отца в 1505 г. Василий III устроил себе «венчание на великое княжение». В дальнейшем, как символ собственной древней связи Рюриковичей с Византией шапка Мономаха вошла в торжественное облачение государей всея Руси XV–XVII вв. Для каждого нового монарха изготавливалась своя «царская шапка», вариация на тему древней шапки Мономаха. В Оружейной палате Московского Кремля хранятся такие «короны», изготовленные для Михаила Романова, Алексея Михайловича, сыновей последнего — Ивана V и Петра VI. Парадокс заключается в том, что в действительности шапка Мономаха в парадном царском облачении старомосковской Руси была единственным не византийским элементом. Во всем остальном со времен брака Иван III и Софьи Палеолог русское царское платье копировало византийский императорский наряд.
14. Соловьев С.М. Указ. Соч. Кн. 3. Т. 5. С. 56–57.
15. Там же. С. 57.
16. Там же.
17. Ульянов Н.И. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4. (Впервые статья опубликована в Новом журнале (Нью-Йорк), 1956, XLV.
18. Определение, данное учеником Вольтера Кораисом. (С. Рансимен. С. 374.)
19. Цитата по С. Рансиму. С. 352.
20. Рансимен С. Указ. Соч. С. 353.
21. Там же. С. 365. (Стивен Рансимен опирался на исследование: Gegai A. Albanie et l'invasion turque au XV siecle. P. 1937.
22. Там же. С. 365. (Стивен Рансимен опирался на исследование кембриджского профессора У. Миллера (W. Miller))
23. Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. СПб. 2005. С. 9.
24. Там же. С. 360.
25. Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. СПб. 2005. С. 10.
26. Скржинская Е.Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб. 2000. С. 161.
27. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М. 1989. Кн. 2. Т. 7. Доп. 346.
28. Рансимен С. Указ. Соч. С. 360.
29. Так, Ричард Ченслор в 1553 г. во время аудиенции и пира видел на Иване Грозном три разные короны, достойные великого монарха, но ничем не удивившие английского капитана. «Перед обедом, — замечает Ченслор, — великий князь переменял корону, а во время обеда менял короны еще два раза...» (Ченслор Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны, написанная Ричардом Ченслором // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 31.)

■ История

30. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 44.
31. Там же.
32. Адамс К. Английское путешествие к москвитам // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 39.
33. Ключевский В.О. Указ. Соч. С. 119.
34. Этот текст, как и другие подобные, впервые были опубликованы ученым-славистом начала XX в. А.И. Соболевским. ([http://oko-planet.su/historyriddles/print:page, 1, 4522...](http://oko-planet.su/historyriddles/print:page,1,4522...))
35. Ключевский В.О. Указ. соч. с. 116.
36. Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М. 2008. С. 286.
37. Kornemann E. Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches// Das Reich. Idee und Gestalt. Stuttgart. 1941. P. 45–69. Изложение гипотезы Корнеманна по: Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М. 2006. С. 120.
38. Борис Флоря. «Царский жребий» // Родина. № 12. 2004. С. 6.
39. Там же.
40. Там же. С. 7.
41. Там же. С. 8.
42. Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю Василию Ивановичу всея Руси// БАН, собр. Ф. Плигина, № 57, 21.5.15, рук. XVII в. А. 121 об.
43. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев. 1901. Масленникова Н.Н. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства// ТОДРЛ. М., Л., 1951. Т. 8. С. 187–217.
Масленникова Н.Н. К истории создания теории «Москва — Третий Рим»// Там же. 1962. Т. 18. С. 569–581.
44. Гольдберг А.Л. Три «послания Филофея»: (опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л. 1973. Т. 23. С. 68–97.
Он же. Идея «Москва — Третий рим» в цикле сочинений первой половины XVI века// Там же. 1983. Т. 37. С. 139–149.
Гольдберг А.Л., Дмитриева Р.П. Филофей// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 471–473.
45. Иконников В.С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев. 1869.
46. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) М. 1998.
47. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дяку М.Г. Мисюрю Мунехину с опровержением предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима»// Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) М. 1998. С. 336–346.
48. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дяку М.Г. Мисюрю Мунехину с опровержением предсказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима»// Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.) М. 1998. С. 5.
49. Резников К. Мифы Российской истории. От Руси к Российской империи: X — XVII вв. — Гл. 5. «Третий Рим». — Эл. Ресурс: http://zhurnal.lib.ru/r/reznikow_k_j/glava5.shtml
50. Сеницына Н.В. Указ. соч.. С. 59.
51. Филюшкин А. Указ. соч. С. 54.
52. Подробнее см.: Базылев Л. Россия в польско-литовской политической литературе XVI в. Гейштор А. Теория исторической науки в Польше XVI в.// Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М. 1976. Флоря Б. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М. 1978.
53. Там же. (Подробнее см.: Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л. 1956. С. 86–99.)
54. Причем именно форма, а не суть поиска идеальной глобальной имперской модели.
55. Ключевский В.О. Указ. Соч. С. 112.